

**БЛАГОСЛОВЛЯЕМ
ВАС ИЗ ДОМА
ГОСПОДНЯ!
Псалом 117:26**

Храм Христа открыт для Вас каждый день с 11-00 до 19-00. Вы можете побеседовать со священником, побывать на Богослужениях каждую среду в 19-00 и каждое воскресенье в 10-00 и в 17-00.

Ул. Кочетова, д. 24.
Работает сурдопереводчик.

По воскресеньям в 15-00 проходит Библейский час, на котором можно задать служителю интересующие Вас вопросы.

Тел: 65-62-41.

Наши интернет сайты:
ГазетаЛадья.рф
ХрамХриста.рф
ХРАМХ.RU

Читайте в номере:

К 190-летию
со дня
рождения
В.И. Пашкова

Полковник-
кавалергард
В. А. Пашков

2-8 стр.

ЛАДЬЯ

Дни мои быстрее гонца... несутся, как легкие ладьи.
Библия, книга Иова, 9:25-26

ХРИСТИАНСКАЯ ГАЗЕТА № 2 (141) 2021 апрель

**К 190-летию со дня
рождения В. А. Пашкова**

Полковник-кавалергард В. А. Пашков*

2.04.1831–30.01.1902
(на надгробном камне)

«Вы также знаете, какое положение он занимает здесь — он является столпом собрания»

Из письма Чэс Станлис
от 5 октября 1879 года, Москва.

Полковник-кавалергард В.А. Пашков
Фото из книги
"Сборник биографий кавалергардов 1826-1908",
издание 1908 года

Кем же был этот человек, посягнувший на духовные и идеологические основы российского государства? В Биографическом словаре говорится, что в 1831 г. от брака боевого генерала Александра Васильевича Пашкова с Елизаветой Петровной, урожденной Киндяковой, родился сын Василий. Древний дворянский род Пашкова в XVIII столетии приобрел громадное состояние вследствие брака прадеда Василия Александровича — Александра Ильича — с дочерью известного богача и фабриканта И.С. Мясникова, Дарьей Ивановной. Этот союз принес ему 19 000 крестьян, 4 богатейших завода и, как говорят, «позолотил герб». После нескольких семейных разделов за отцом В.А. Пашкова числилось 2150 крепостных в Московской Нижегородской и Оренбургской губерниях. В родословном имени Пашкова, с. Крекшино Звенигородского уезда, находилось 1000 десятин земли, а на Урале имелся медеплавильный завод.

Образование Пашков получил в Пажеском корпусе, где окончил учебу в 1849 г., будучи вторым учеником по успеваемости, что было отражено на мраморной доске. Военная карьера его строилась вполне удачно и благополучно: 26 мая 1849 г. он был выпущен корнетом в Кавалергардский полк; в 1850 г. произведен в поручики, а 28 мая 1853 г. по болезни уволен со службы с производством в штабс-ротмистры. 23 марта 1854 г. Пашков вновь поступил на службу в Кавалергардский полк в прежнем воинском звании поручика, но уже 23 апреля того же года его произвели в штабсротмистры. Спустя три года он стал ротмистром, а через год уволен со службы с производством в полковники. До 40 лет Василий Александрович совсем не интересовался религиозными вопросами, относился к христианству «холодно и пренебрежительно» и жил обычными светскими интересами. «Когда-то я был без Христа, — говорил о себе Пашков, — чужд заветов обетования, не имел надежды и был безбожником в мире (Еф. 2,12). Закон Божий был для меня мертвой буквой; я руководился исключительно правилами человеческими, живя для себя, пытаюсь в самые лучшие минуты жизни совместить несовместимое, то есть, служить двум господам. Я был другом миру... и жил по воле князя мира сего, а вместе боялся окончательно рассориться с Богом...»

Один из его современников, русский писатель Животов, оставил характерный словесный портрет полковника-кавалергарда: «Красивый брюнет, роста выше среднего, с манерами и обращением чистого аристократа; приятный мягкий тенор, большие выразительные глаза располагают в его пользу, а мастерски разыгрываемое радушие подкупает собеседника... К делам веры, церкви и религии Василий Александрович был совершенно равнодушен, а в вопросах канонических по-детски невежествен; о набожности, не говоря уже о фанатизме, никогда не зарождалось и мыслей в голове Василия Александровича, бывшего страстным охотником, любителем танцев, балов, крупным игроком в карты, лихим наездником».

В своих мемуарах граф М. Корф пишет: «Василий

* Георг Мюллер из Бристоля, которого называли отцом сирот, во время пребывания в Петербурге в 1882 году крестил четырех человек, в том числе В. А. Пашкова, Н. Ф. Ливен, Н. В. Классовскую (гувернантку у Ливен. — Прим. автора).

Александрович получил высшее образование, но религиозные вопросы его совершенно не интересовали. Он даже уезжал в Москву, чтобы только не быть втянутым в общий круг верующих. Духовное пробуждение коснулось его жены, Александры Ивановны, а еще раньше его свояченицы, Чертковой Елизаветы Ивановны (обе — дочери графа Чернышева-Кругликова). Наконец, и сам В.А. Пашков был сломлен ясными доводами уверовавших, указаниями Священного Писания, и обратился к Господу. В этом же году обратился Алексей Павлович Бобринский и многие другие. Через месяц после обращения Пашкова и я уверовал. И несмотря на то, что он был десятью годами старше меня, мы сделали с ним на всю жизнь близкими друзьями... до самой последней минуты жизни моего любимого друга». Княжна Софья Павловна Ливен, говоря о Пашкове, подчеркивала, что он был «чрезвычайно добрый и благородный» человек. «Ему это новое религиозное течение сначала было не по сердцу, и он не желал слушать лорда — проповедника. Однажды его жена Александра Ивановна пригласила Редстока к обеду. Василию Александровичу, как хозяину дома, ничего другого не оставалось делать, как любезно встретить гостя по обычаю русского гостеприимства. За столом гость все время говорил о Слове Божьем, и присутствующие с интересом слушали его. По окончании обеда все перешли в гостиную, и там беседа продолжалась. Когда Редсток предложил встать на колени и помолиться, это многим показалось странным и совершенно непривычным. Но молитва этого Божьего человека так сильно подействовала на Василия Александровича, что ему внезапно открылось его личное состояние. Он понял, что все слышанное им из Слова Божьего касалось и его лично. Он почувствовал свою греховность и отчужденность от Бога и тут же стал каяться. Ему открылся не только его грех, но и величие спасения Божьего во Христе Иисусе. Он всей душой уверовал во Христа как личного Спасителя, пролившего Кровь Свою и за его грехи и воскресшего и для его оправдания, и он верой получил прощение». Пашков свидетельствовал: «Озаренный светом Господня, я увидел себя отчужденным и врагом по расположению к злым делам, понял, что я — грешник погибший, что ничего не в состоянии сделать для своего спасения... Я доверился Спасителю моему, в котором и имею теперь жизнь вечную. Господь принял меня, как принимает всякого приходящего к Нему; я теперь принадлежу не себе, а Ему, живу не для себя, но для умершего за меня и воскресшего Христа».

Через пятнадцать лет после встречи с Василием Александровичем Животов вспоминал: «Пашков казался человеком глубоко убежденным; его глаза горели, когда он спорил, его руки твердо подписывали чек на крупную сумму для «целей пропаганды» и лично себе он во многом стал отказывать, преобразившись в апостола: он перестал кутить, бросил дорогую забаву с лошадьми и охотой, перестал посещать театр и даже курить, отказался от постоянного кабинета у Бореля, словом, начал вести образ жизни верующего христианина...»

Ревности Пашкова в служении Богу не было границ. Проповедовать Евангелие — вот его стремление теперь и цель. Софья Ливен рассказывала: «Однажды, узнав, что эскадрон Кавалергардского полка, в котором он некогда был полковником, должен был пройти мимо его дома, по Набережной

**Александра Ивановна Пашкова
1832-1926.**

Невы, Василий Александрович вышел ему навстречу с пачкой Евангелий и, обратившись к командиру эскадрона, попросил его разрешения раздать их солдатам, на что тот дал своё согласие. Солдаты спешили, и каждый получил по Новому Завету». «В Санкт-Петербурге император уважает христиан, — сообщала в своем письме француженка-губернантка Чэс Станлис, — многие из них являются членами царского двора и министерства или занимают высокое положение в стране. Все они остаются на позициях, но изменили свой взгляд на мир и являются яркими свидетелями на местах своей службы».

Посетитель собраний в 1880 г. некий В. Попов в статье «Воскресные беседы г-на Пашкова» писал в «Церковном вестнике»: «Господин Пашков, принадлежащий к высшему Петербургскому обществу, в своей роскошной квартире, находящейся на Гагаринской набережной (дом 10. — Прим. автора), по воскресным дням устраивает религиозные беседы, на которых присутствует много народа, принадлежащего к разным слоям общества. Да, господин Пашков, вы вовремя выступили со своим учением. Оно как раз по вкусу нашего времени. Вам предстоит великая жатва». Протоиерей Иоанн Янышев (ректор Петербургской духовной академии) после выхода этой статьи лично встретился с Василием Александровичем, а после беседы искренне поведал следующее: «Думается, что господину Пашкову жаль нашего простого, да и не простого народа, который так редко может слышать внятное и раздельное чтение Святого Писания и церковных молитв и еще реже — простое искреннее и душевное Слово назидания, обличения и утешения». Пашков написал ректору Янышеву четыре письма, в которых, не устраивая полемических баталий, объяснил свое исповедание веры: «Богословских

познаний я не имею никаких, — писал Пашков в письме от 9 апреля 1880 года, — а потому, зная, что я легко могу ошибаться... старался избегать их в беседах своих». Но самое главное, в том же письме Василий Александрович постарался объяснить Янышеву: «Я покался пред Ним в греховности и отчаянной испорченности сердца своего, обратился к Нему, потеряв на себя надежду... Господь дал мне уверовать в прощение грехов, возвещаемое именем Его... Господь теперь определил меня на служение Ему, Которому я и предаюсь с радостью вот уже скоро пять лет; оно состоит в том, чтобы свидетельствовать людям о Нем, о Его беспредельной любви... Я говорю всем, что делаем нашими мы не оправдаемся пред Богом, а оправдаемся верою в Иисуса Христа, но разумеется, что истинная вера не может не проявляться в делах»

Согласно воспоминаниям графа М. Корфа, Пашков владел одним из самых больших домов в Петербурге. Дом этот находится между набережной Кутузова (бывшей Гагаринской) и ул. Шпалерной. В своем письме к Я. Д. Делякову от 1883 году, находясь в с. Крекшино, станции Голицыно, Московской губернии, Василий Александрович писал: «Мы решились отдать в наем большую часть своего дома и поместиться со своей семьей в одном нижнем этаже и части дома на Шпалерной (дом 6. — Прим. автора)...» С. П. Ливен вспоминала: «Прекрасный Пашковский дом в Петербурге на Французской набережной (у Литейного моста. — Прим. автора) стал центром евангельского служения». Один из очевидцев писал в своих воспоминаниях: «В большой прихожей лакеи снимали верхнее платье и приглашали войти. Я поднялся вместе с другими, по нескольким ступеням белой широкой лестницы на первую площадку, прошел через высокую задрапированную массивной шелковой портьерой дверь направо и очутился в ярко освещенном зале. Зал был большой, длинный, с рядом окон на набережную. Его ярко освещали люстра и стенные лампы; на стенах никаких украшений не было. Весь зал был заставлен рядами стульев».

В своей статье «"Генерал" Пашков и его проповеди» А. С. Пругавин оставил нам весьма колоритное описание январского собрания 1880 года: «Это было в прошлое воскресенье, вечером, часу в восьмом... Вхожу в дом. Прекрасное антре: обстановка барская, роскошная, на широкую ногу. Яркое освещение, многочисленная ливрейная прислуга. По широкой лестнице тянутся дорогие, красивые дорожки; громадные изящные вазы, тяжелые драпировки на дверях и окнах. Направо от входа широкая, вся залитая светом лестница ведет в бельэтаж... мы входим в зал, весь уставленный рядами стульев с проходом по середине, точно в театре. Огромные окна плотно закрыты темно-красною драпировкою;

направо и налево двери, тщательно прикрытые; в простенках зеркала, на стенах картины в золотых рамках — красивые ландшафты и два-три каких-то, может быть, фамильных портрета. В углу, около двери справа головка хорошенькой молоденькой девушки с открытыми плечиками и ручками. Тут же на особой высокой подставке, — что-то в роде пюпитра, — стоит лампа с синим абажуром; рядом с пюпитром — стул.

С любопытством оглядывал я публику, что разместились на стульях, креслах и диванах, стоящих вдоль стен. Тут и мастеровые, и лакеи, и кухарки, и чиновницы, и офицеры, и денщики, и гимназисты, и юнкера; тут же и важные барыни и студентки, и чиновники, и чернорабочие и купцы... Вот какой-то шикарный мундир с аксельбантами, а рядом почтальон с бляхою... Публика постоянно прибывает. Вскоре все места в зале были заняты. Тогда открылись двери с правой и левой стороны залы. Там оказались комнаты, точно так же установленные рядами стульев и кресел. В комнату справа ведет особый ход, в этой комнате публика состояла преимущественно из дам; между ними виднелось несколько гвардейских офицеров. По временам отсюда слышался сдержанный разговор на французском языке. Вскоре и эти комнаты наполнились публикою». Далее Пругавин рисует нам картину почтения и благоговения, с которым встречали Василия Александровича присутствующие в доме на Гагаринской набережной: «Все поднялись с мест. Господин, вошедший в зал и остановившийся у двери около пюпитра, был более чем среднего роста, хорошо сложен, с длинными, почти седыми бакенбардами, с коротко подстриженными волосами, причесанными по — военному, на косой пробор, со здоровым цветом лица и подвижными, немного влажными серыми глазами. Одет очень скромно... В руках он держит маленькое Евангелие... Такие же точно евангелия были у присутствующих. Склонивши голову на Евангелие, он произносит: "Господь Бог да благословит наше чтение!" — и опускается на стул. Все садятся». «Богослужение начиналось молитвой о ниспослании Духа Божия собранным во имя Его, которую дрожавшим голосом и со слезами на глазах произносил проповедник». Из письма гувернантки в доме Пашкова Чэс Станлис к лорду Редстоку: «В воскресенье проходит общественное собрание, на котором проповедует полковник Пашков или один из его друзей — граф К. (граф Корф — Прим. автора). Эти собрания посещают люди из разных сословий, даже священники. Я заметила, что они слушали внимательно и, казалось, были тронуты. Некоторые из священников распространяли листовки и убеждали своих знакомых послушать полковника Пашкова».

Нужно отметить, что Пашков проводил собрания в двух направлениях, хотя Попов называет их «воскресные беседы». «Кроме этих чтений у них есть еще особые собрания, на которые допускается только избранная публика и притом не иначе, как по билетам...» Действительно, билеты существовали, и не только как пропуск в дом Пашкова, но и в дом Ливен и в других местах собраний. Люди, не попавшие на собрания, уходили со слезами на глазах.

«Залы дома его (Пашкова. — Прим. автора) были большие, — подчеркивала Корф. — В них сперва начались малые собрания, а впоследствии они стали так переполняться, что не хватало для всех желающих места. Мне помнится, что не задолго до нашего удаления из России, на одном вечернем собрании присутствовало свыше 700 человек. На этом собрании присутствовал также и обер-прокурор синода, К. П. Победоносцев. Можно себе представить, как такая масса выходящего из собрания народа поражала проходящих по улице людей. Многим из них казалось, что в этом, доме что-то случилось. По городу стали распространяться слухи о собраниях, происходивших в доме Пашкова».

Константин Петрович бывал в доме Пашкова ради «интереса», а еще и раньше — для «прослушивания». Так, в своей записке министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву от 4 июня 1881 г., Победоносцев докладывал: «Он (Пашков. — Прим. автора) открыл проповедование в собственном доме, куда собиралось до 1500 человек для слушания его поучений...» Побывавшие там рассказывали, насколько их сначала поражала своеобразность этих общений. «В нарядном зале сидели рядом люди самых различных званий и сословий и, сидя вперемежку на обтянутых шелком креслах и стульях, внимательно вслушивались в простые евангельские слова о любви Божьей. Вокруг фисгармонии стояла группа верующих девиц; свежими голосами они пели переведенные с английского языка евангельские песни, призывающие ко Христу. Их пение сопровождалось музыкой талантливой певицы и труженицы на ниве Божьей, Александрой Ивановой Пейкер. Трое из этих молодых девушек (Софья, Ольга, Мария. — Прим. автора) были дочери хозяина дома, Пашкова, трое были дочери министра юстиции, графа Палена, и две — княжны Голицыны (Александра и Ольга. — Прим. автора)». Согласно воспоминаниям княжны Ливен, в 1878 году были запрещены все публичные собрания, но Господь помог свободно продолжать собрания в домах Пашкова и Ливен.

Чэс Станлис — французская гувернантка, служившая в доме Василия Пашкова, в своем письме лорду Редстоку, в письме от 5 октября 1879 года из Москвы писала: «Христиан в Санкт-Петербурге до сих пор терпят, но не очень любят. Император позволяет им собираться и закрывает глаза на то, что запрещает закон. Он любит семью Пашкова и не может не восхищаться и не уважать "Протестантов", как их начали называть. Однако я боюсь, что час преследования настал для наших дорогих друзей». «У Пашковых имелся дом и на Выборгской стороне, — вспоминала Ливен. — Там Василий Александрович открыл столовую, в которой за очень малую плату можно было получить простое, но хорошее кушанье, а также чай или кофе с молоком. На стенах столовой были написаны слова из

Священного Писания. Посетители столовой обслуживались верующими женщинами. Пашковский дом на Выборгской стороне был также центром евангельской работы». Информирова читателя газеты «День» о щедрости Пашкова, Животов писал, что «он (Пашков) заплатил одному П. Е. Шиманскому 32,000 р. за отчужденный клочок земли на Ломанском переулке и постройку там дома с дешевыми квартирами и бесплатную столовую.

Забегая вперед, хочется отметить, что собрания в одном из Пашковских домов продолжались не только после его выдворения из России, но и после его смерти. Вот что пишет в автобиографии М. А. Орлов, будущий всесоюзный руководитель евангелистов: «...Господь привел меня в собрание Евангельских христиан в доме Пашкова (на Выборгской стороне, Ломанский переулок, 17. — Прим. автора), где проповедовали Христа распятого... Произошло это в 1907 году. Через проповедь брата А. И. Иванова о "Блудном сыне"... я получил возрождение свыше, и вскоре брат К. П. Петров преподал мне крещение, и я был принят в Петербургскую общину евангельских христиан». О том, что в доме Пашкова на Выборгской стороне проходили собрания в 1907 году, можно прочитать в приложении к журналу «Христианин» за 1907 год.

Г. И. Мазаев в своих «Воспоминаниях» рассказывает, что «одно из великих событий, радостно взволновавших мою душу — это знаменательный съезд баптистов в России и мое участие в нем. Съезд был созван в Петрограде в январе 1907 года... В Петрограде я был впервые, поэтому непривычная мне столичная обстановка сильно смущала меня. Особенно сильно я стеснялся проповедовать,

Фото Булы 1897год.

поэтому, когда мне предлагали проповедовать, я всячески старался отказываться... Мы посещали тогда собрания по ул. Морской, дом 43. Там преимущественно собирались представители высшего сословия, но несмотря на это, братья настоятельно требовали от меня, чтобы я не уклонялся от проповедей. Однако смущения своего я перебороть не смог и решил переменить место посещения собраний. Среди гостей был благословенный Господом проповедник брат Балихин Федор Прохорович. Он был проповедником еще до моего обращения, его я сильно полюбил и вот с ним мы решили посещать собрание на Ломанском переулке, в доме № 17. Этот дом принадлежал русскому полковнику Пашкову... Здесь собрание состояло из фабричных простых людей, домашней прислуги и дворовых людей. Это собрание я полюбил и смело свидетельствовал в нем о Господе. Публика, в свою очередь, полюбила нас с братом Балихиным и просила не оставлять их собраний... Однажды после собрания вечером нас пригласила к себе на чай госпожа М. И. Игнатьева... Вечер прошел в радостной оживленной беседе. Утром следующего дня мы получили известие, что жена Пашкова, будучи уже в то время вдовой, сильно заболела, и на посещение её съехались много сестер».

Прошло десять лет. В октябре 1918 года в «Вестнике Спасения» сообщалось, что собрания по адресу Ломанский переулок, 17, все еще проходили по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям. Чтобы у читателя не было путаницы, уточним, что дом этот числился за А. И. Пашковой — женой Василия Александровича.

Хочу напомнить читателю еще одну форму служения пашковцев русским людям, которую не вспоминают. В своей публицистической заметке по поводу пьесы графа Л. Н. Толстого «Первый винокур» Лесков писал, что сюжет заимствован из картины, которую использовали евангелисты-пашковцы. Литографированная картина "Первый винокур"

более всего распространялась при известной поддержке от Василия Александровича Пашкова и графа Модеста Модестовича Корфа и их друзей. Крестьянам "винокур" везде нравился. Сюжет картины был такой: сидит сатана и учит курить вино, а в деталях были изображены разорения и бедствия, которые приносит перевод сытного хлеба на пьяный спирт, и возникающее отсюда пьянство, разврат и преступления, и "сини очи подбиты, и увечья", — словом, все то, что видели и что отмечали в своих сочинениях Кирилл Туровский и Кирилл Белозерский. В общем, содержание всей картины можно хорошо выразить одною фразой преподобного Кирилла: "Люди ся пропивают, а души гибнут"».

«Только один раз Василий Александрович получил разрешение приехать в Россию на шесть недель по случаю болезни его сына (Александра. — Прим. автора), заразившегося тифом. Мне было тогда около 12 лет, — пишет Софья Павловна Ливен. — В нашем доме шло вечернее собрание, и вдруг неожиданно открылась дверь, и вошёл высокого роста, по моим тогдашним понятиям, старец, сразу приковавший к себе общее внимание. Все присутствовавшие в собрании встали. Никогда не забуду впечатления, которое произвела на меня и на всех присутствующих благоговейная молитва вошедшего. Казалось, он беседует с Богом близким и великим и, как бы видя Невидимого, произнёс: "Покажи им, что Ты можешь совершить в России через горсточку людей, полностью отдавших себя Тебе!" В этот же приезд в 1892 году, Василий Александрович, продает свой дом на Гагаринской набережной 10, который Пашковы приобрели в 1842 году у князей Трубецких, правительству Французской Республики.

Кончина В. А. Пашкова

Восемнадцать лет провел Пашков в изгнании, но служение его не прекращалось. Он продолжал активно участвовать в проповеди Евангелия, а также активно поддерживал миссионерский труд самоотверженных братьев в России. Василий Александрович скончался в конце января 1902 года. «Русский Журнал» в рубрике «По телефону из Петербурга» сообщал: «В Петербурге получено известие, что в Париже скончался отставной полковник гвардии Василий Александрович Пашков, известный в 70-х и 80-х гг. как глава сектантов, называвшихся "пашковцами"».

Владимир Чертков в своем «Свободном слове» также поместил некролог, в котором говорилось, что «13 февраля Н.С. скончался в Париже Василий Александрович Пашков, известный в России, как основатель того религиозного движения, которое получило неправильное название "Пашковской секты". В действительности он никакой секты не основывал, а просто принял так называемое "Евангелическое"

Интерьеры дома Пашкова

понимание христианского учения, старался распространять его проповедью, литературой, личными сношениями, вообще всей деятельностью. Обладая большими денежными средствами и неутомимой энергией в служении тому, что он считал истиной, В. А. Пашков естественно стал центром этого движения в России; за что и был в начале реакционного царствования Александра III, — в 1884 году административно выслан за границу, и провел почти 20 лет в изгнании, не переставая тосковать о своей родине.

Будучи в близком родстве с семьею Василия Александровича, я был хорошо знаком не только с его общественной деятельностью, но и с ним лично, в его частной жизни; и могу без преувеличения сказать, что человека более чистой и доброй души, более добросовестного, великодушного, деликатного, щедрого и благородного в высшем смысле этого слова, мне не приходилось встречать».

Тело В. А. Пашкова было переправлено в Рим для захоронения на протестантском кладбище. Три его племянницы из Петербурга, его семья и Наталья Николаевна Крузе присутствовали при его погребении. Стоя под высокими кипарисами римского кладбища, они возложили на могилу венки из елок, привезенных из России, как последний привет с его земной родины, вспоминает Ливен: «На его похоронах в Риме, мы пели по-русски такой гимн:

Кто, кто сии и кем облечены,
В светлые ризы снежной белизны?».

Кладбище в Риме

«Наша милая тётя Гагарина, — вспоминала княжна Софья Ливен, — когда ей случалось быть за границей, обязательно навещала В.А. Пашкова, где бы он ни находился. Когда же он скончался, ей показалось невыносимо отпустить его без признака благодарности братьев и сестёр его родины. Итак, она предложила нам троим, её племянницам, поехать на похороны дяди (по жене Василия Александровича мы состояли в родстве с ним), как представительницам русских верующих. И мы поехали в Рим. До сих пор вспоминаю с благодарностью Господу наше незабываемое путешествие. Под высокими кипарисами римского кладбища, мы положили на могилу венки из ёлок, привезенный нами из России, — последний привет с его земной родины. Кроме членов семьи, верной его сотрудницы Натальи Николаевны Крузе и нас троих, присутствовали русский посланник при Ватикане и посланник при Итальянском правительстве со своей женой, двое или трое друзей и несколько человек его домашних служащих. Местный евангельский пастор сказал несколько слов на стих из Евангелия (Мф. 5,10). "Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное". При мыслях об этом далёком кладбище, мне приходят на память слова из 11 главы послания к Евреям: "Те, которых

весь мир не был достоин, скитались..."»

Для того чтобы читатель ясно мог представить себе удивительное место упокоения В. А. Пашкова, сделаем небольшой экскурс на это древнее кладбище.

Римское кладбище Тестацхо на городской окраине по праву считается одним из самых красивых и значительных в мире. Художественные надгробия, античная стена, пирамида Цестия, напоминающая о заупокойном культе древних египтян, благородные кипарисы и пинии, великолепные цветы — все это образует ансамбль необычайной выразительности, меланхолическое очарование которого усилено тишиной и покоем, столь не свойственными всегда бурлящему Риму.

Выходцев из России среди упокоенных здесь немногим менее тысячи. Это художники К. Брюллов, П. Орлов, М. Марков, П. и А. Сведомские, И. Давыдов, поэт Вяч. Иванов, литераторы Д. Благово (архимандрит Пимен) и М. Первухин, певец и гарибальдиец Ф. Комиссаржевский, артисты А. Санин, П. Шаров, Ия Русская, ректор Санкт-Петербургского университета академик Э.Х. Ленц, генералы И. П. Астахов, П. П. Богаевский, Н. П. Горлов, К. К. Мердер, В. И. Ромейко-Гурко и князь Ф. Ф. Юсупов, видный юрист и министр юстиции Н. В. Муравьев, сенатор и член Государственного Совета П. Ф. Иорданов, предводители столичного дворянства А. Д. Зиновьев и С. М. Сомов, основатель русского протестантизма В. А. Пашков, члены Российского Императорского Дома и их потомки, представители русских аристократических фамилий: князья Барятинские, Волконские, Гагарины, Голицыны, Горчаковы, Трубецкие, Шаховские, Щербатовы, графы Канкрины, Мусины-Пушкины, Соллогубы, Строгановы, Ферзены, Шереметевы, бароны Врангели, Ганы, Таубе и Тизенгаузены; представители старинных дворянских родов: Бибиковы, Володимировы, Голенищевы-Кутузовы, Нарышкины, военные, дипломаты,

Интерьеры дома Пашкова

крупные чиновники, путешественники.

Проникновенные строки о Тестаччо принадлежат протоиерею Русской Церкви в Риме Михаилу Осоргину: «Заглядывая иногда на кладбище у черепичной горы Тестаччо, где под сенью пирамиды Кая Цестия врастает в землю надмогильная плита Шелли, где у дверей склепа сидит девушка, изящная Антокольским, где плакучее деревцо склонилось над именем Пашкова и где спит много маленьких, никому неизвестных людей, — я бродил глазами меж черных кипарисов, отыскивая незанятый клочок земли, который можно откупить заранее. Мне казалось, — и сейчас кажется, — покойным и гордым лежать здесь, далеко от родины кровной, в центре родины великой культуры. Здесь заезжий сорочич прочтет на мраморной плите имя, — прочтет вслух и, может вспомнит или запомнит; после вместе с именем кладбища, пирамиды и странной, голой горы из античных черепков, — мелькнет в его памяти и надпись по-русски, навеки оставшаяся в Вечном Городе, поскольку, конечно, сама вечность — не условна. Быть связанным с Римом — хотя бы узами смерти — мне всегда казалось честью». А поэт-романтик Перси Шелли о Тестаччо сказал так: «Возможно полюбить и смерть при мысли о погребении в столь дивном месте». Вся территория кладбища обнесена стеной. С северной стороны, на *via Caio Cestio* ворота с лаконичной надписью *RESURRECTURIS*, т.е. «тем, кто воскреснет».

Материал из книги "Via sacra. Святой путь."
А. И. Корабель.

ЦЕРКВИ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

г. Боровичи, ул. Л. Толстого 102,
Богослужения:
вс. 10-00 и 17-00, чт. 18-00

г. Старая Русса,
ул. Декабристов 30,
Богослужения:
вс. 10-00 и 17-00, ср. 18-00

г. Валдай, ул. Гоголя, д.5А
Богослужения: вс. 10-00

г. Сольцы, пр. Советский 83,
Богослужения: вс. 11-00

п. Парфино, ул. Садовая 5,
Богослужения: вс. 10-00 и 17-00, чт. 17-00

г. Пестово, ул. Профсоюзов 35,
Богослужения: вс. 10-00 и 17-00, ср. 18-00

д. Чечулино, д. 60,
Богослужения: вс. 10-00, чт. 19-00

*Газета распространяется бесплатно, издается на добровольные пожертвования.
Благодарим всех, присылающих материалы и жертвующих на издание газеты!
Это ваш вклад в небесную сокровищницу! Господь да благословит Вас!*

Дорогой читатель! Понравилась ли Вам наша газета? Она может стать лучше с Вашим участием. Какие темы волнуют Вас и Вы хотели бы обсудить их в «Ладье»? Пишите на почту храм-novgorod@ya.ru. Редакция оставляет за собой право литературной обработки и сокращения присылаемых материалов. Фотографии, рисунки, письма и их фрагменты могут быть опубликованы. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Газета зарегистрирована Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 3-6615 от 08.05.2003. Учредитель Местная Религиозная организация Христианская Евангельская Церковь Великого Новгорода. Главный редактор – епископ Объединения Церквей Новгородской области А. И. Корабель. Над выпуском работали: Ю. Корабель, Т. Г. Боголепова, Ю. Петрова, Л. Мясоедова, Л. Морозов.

Тираж 5000. Дата выхода в свет 06.04.2021. Подписано к печати: по графику 31.03.2021 в 15-00, фактически 31.03.2021 в 16-00. Адрес редакции и издателя: 173025, Великий Новгород, ул. Кочетова 24, Храм Христа. Адрес типографии: 173025, Великий Новгород, ул. Нехинская д. 61 п.к. 3, ООО «ТПК «Печатный двор». Заказ № 1015646